

П Р А В О

УДК 340.12

DOI 10.32326/19931778_2024_5_74

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С ЭПИДЕМИЧЕСКИМИ УГРОЗАМИ В ТРУДАХ ПРАВОВЕДОВ-КАМЕРАЛИСТОВ

© 2024 г.

Н.И. Биюшкина

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

asya_biyushkina1@list.ru

Поступила в редакцию 10.08.2024

Статья посвящена изучению вопросов борьбы с эпидемическими заболеваниями в дореволюционной России. Исследованы позиции ученых-полицистов по заявленной проблематике, государственно-правовые меры воздействия, нацеленные на противодействие эпидемиям. Источниковую базу исследования составили Устав врачебный 1857 года, Устав пограничных и портовых Карантинов 1800 года. Выявлена специфика взаимодействия органов государственного управления, медицинских учреждений и органов местного самоуправления по борьбе с эпидемиями в России XVIII – начала XX века. В статье нашел отражение процесс включения Российской империи в международную деятельность по борьбе с эпидемическими болезнями посредством ратификации международных конвенций. Сделан вывод об актуальности основных положений и подходов к организации способов и средств борьбы с эпидемиями силами государства, органов местного самоуправления, медицинских учреждений и населения при их активном взаимодействии.

Ключевые слова: эпидемия, организационно-правовые средства, ученые-полицисты, кодифицированные нормативные правовые акты, международные конвенции, органы местного самоуправления, полиция, медицинские учреждения.

Изучая сложную проблему борьбы с эпидемическими угрозами, которая приобрела в современный период особую актуальность в связи с распространением COVID-19 и вызванной этим вирусом пандемией, необходимо обратиться к теоретико-правовым и практическим разработкам форм и методов противодействия эпидемическим угрозам, содержащимся в сочинениях зарубежных и отечественных ученых-полицистов. Именно в их работах прозвучал недвусмысленный призыв и содержалось глубокое научное обоснование особой роли государства и органов местного самоуправления в лице его правоохранительных органов и учреждений здравоохранения в решении вопросов, связанных с организацией и правовой регламентацией процесса противодействия распространению эпидемической угрозы. Как справедливо отмечает профессор А.В. Мартынов, «эффективность государственного управления обеспечивается средствами контроля и надзора, позволяющими выявлять недостатки и упущения в деятельности различных субъектов, наделенных полномочиями по решению вопросов в установленной сфере деятельности» [1, с. 51].

Ценность накопленных знаний и проведенного правоведами-полицистами анализа как менее эффективных, так и более успешных мероприятий организационно-правового характера обосновывается также обращением исследователей XIX – начала XX века к российским реалиям, характеризующимся наличием обширных территорий, разнообразием спектра национально-культурных и религиозных компонентов, накладывающих определенный отпечаток и создающих специфику организации эффективных средств и способов борьбы с эпидемиями. Заявленная проблематика не утратила свою актуальность и в настоящий период в Российской Федерации. С другой стороны, эпидемическая угроза представляет собой интернациональное деструктивное явление, с которым вынуждены бороться социально-государственные образования всеми возможными силами и средствами. Глобализация эпидемической угрозы порождает и порождает по сей день острую необходимость взаимодействия, согласования вопросов разработки и применения своевременных полицейских, медицинских, санитарно-гигиенических мер воздействия на общество, независимо от

особенностей государственно-правового развития. Одним из первых исследователей проблемы организации и функционирования медико-полицейской службы являлся немецкий полицеист Роберт фон Мольте [2]. Масштабность, непредсказуемость и нарастание проблемы привели к унификации, солидаризации действий на уровне доктрины, реализации государственного управления в плане фактического взаимодействия, обмена опытом среди населения и медицинских работников как внутри страны, так и за ее пределами.

Доктринальное осмысление заявленной проблематики присутствует в трудах немецкого полицеиста XIX века Роберта фон Моля, который отмечал, что «если необходимость заставляет обратиться к средствам охранительным, то следует отличать динамические от механических. Первые основаны на опыте, что восприимчивость к известным болезням может уменьшиться в большей или меньшей степени, вследствие изменения, произведенного в состоянии организма ... Вторые же состоят в полном обособлении всех людей, одержанных заразительной болезнью, так как и иногда в устранении предметов, употребленных больными. Они имеют целью устранить передачу развившейся болезни больными здоровым» [3, с. 163].

Приведенное высказывание автора свидетельствует о том, что еще в XIX веке была сформулирована модель борьбы с эпидемиями, которая предполагала сочетание субъективного и объективного факторов. Первый включал внутренние особенности организма, связанные с восприимчивостью к массовым заболеваниям и способностью к восстановлению в результате правильного медикаментозного воздействия. Второй заключался в обеспечении государством и поддержке обществом ограничительных карантинных мер, препятствующих распространению эпидемий. Такое воздействие эффективно и в основном направлено на лиц, проживающих в местности, охваченной эпидемией, но еще не заболевших. В то время как в отношении инфицированных требуются более радикальные меры, в частности изоляция. Практический опыт борьбы с недавней эпидемией COVID-19 убедительно доказывает объективность и непреходящий характер положений, раскрывающих механизм преодоления инфекционных заболеваний, разработанных учеными-полицеистами еще два века назад.

Солидаризируясь с Р. фон Молем, российский полицеист И.Т. Тарасов подчеркивал, что именно силами и средствами государства надлежит обеспечить совокупность средств и способов борьбы со всевозможными заболева-

ниями эпидемического характера. Так, он указывал следующее: «Забота общества и государства о народном здравии (Gesundheits-Polizei) необходима и обязательна в силу следующих соображений: а) во многих случаях единичное лицо не в состоянии само оградить себя от опасности заболевания; б) нередко болезнь грозит опасностью не только самому заболевшему, но и другим лицам и даже всему обществу; в) государство не может оставить без врачебной помощи тех лиц, которые не в состоянии сами доставить ее себе, и, наконец, г) здоровье составляет необходимое условие для хозяйственного и духовного развития единичных лиц и целого народа» [4, с. 359].

Как справедливо отмечал И.Т. Тарасов, проблема здравоохранения должна быть возведена в ранг функций государства, то есть быть основным направлением его деятельности. Для своего времени данное утверждение являлось новационным. Симптоматично, что в государственном управлении отсутствовало соответствующее министерство. На местном уровне, начиная с Земской реформы 1864 года и Городской реформы 1870 года, вопросы развития здравоохранения были поручены органам местного самоуправления – земским управам и городским думам. Эти негосударственные структуры основывали свою деятельность на самокупаемости, что приводило к хроническому дефициту бюджета. Поэтому не случайно при возникновении эпидемической угрозы государство было вынуждено обеспечивать осуществление ограничительных карантинных и изоляционных мероприятий, издавая соответствующие нормативные правовые акты различной юридической силы. Так, в 1857 году был Высочайше утвержден Устав врачебный, который по состоянию на 1913 год включал в себя три книги: «Учреждения Врачебные», «Устав Медицинской Полиции», «Устав Судебной Медицины». Книга первая состояла из положений «О местном врачебном управлении», «О больничных заведениях» и других. Книга вторая содержала положения «Об общих мерах к охранению здравия народного», «Об особенных мерах к охранению здравия народного от повальных эпидемий», «Об учреждениях и мерах для предупреждения и прекращения эпидемических болезней и о карантинной страже» и т.д. [5].

Среди мер государственного воздействия закон предусматривал строгую изоляцию для инфицированных и заболевших лиц, которых надлежало в соответствии со ст. 749 Устава врачебного 1857 года выявить посредством деятельности полицейских чинов, которым вменялось в обязанность «производить на месте

освидетельствование с врачами, при двух свидетелях, и буде подлинно таковые болезни по свидетельству явятся, то отлучает здоровых от больных так, чтобы сообщения одни с другими не имели...» [5, с. 267]. Полиции также надлежало оповещать о наличии заболевания губернское правление и губернатора «... с приложением ясного врачебного описания» [5, с. 267] как самой болезни, так и причин ее возникновения.

Дореволюционное российское законодательство, регулировавшее вопросы борьбы с эпидемиями, предусматривало в статье 752 Устава врачебного 1857 года такую меру государственного принуждения, как секвестр, согласно которой приостанавливалось право пользования жилым помещением: «если, по освидетельствовании болезни ... будет она признана прилипчивою или заразительною, то для помещения больных отдельно от здоровых отводятся особые дома. Для сего избираются по жеребью между поселянами удобные избы, из коих все здоровые, кроме избираемых для прислуги больным, перемещаются в другие дома» [5, с. 267–268] с соблюдением санитарно-гигиенических правил.

Российский полицейист Н.Н. Белявский отмечал, что «на долю полицейской деятельности государства выпадает организация общей системы борьбы с заразными болезнями, т.е. с теми, которые передаются воздухом, водою, прикосновением и т.п. До сих пор медицина не знает вполне рациональных способов их лечения, довольствуясь нередко лишь изоляцией больных, чтобы зараза не распространялась далее» [6, с. 179].

Исключением из указанных мер по борьбе с эпидемией оспы выступала вакцинация, важную роль которой подчеркивал в своих трудах российский полицейист А.Я. Антонович. Он отмечал, что «оспопрививание давно было известно в Китае, откуда перешло и в Европу. В Англии оно сделалось известным в 1721 г. Из Англии перешло во Францию, Германию и Россию...» [7, с. 208–209].

Симптоматично, что проблема вакцинации против тех или иных эпидемических заболеваний зачастую с особой остротой воспринималась именно в период их распространения, а не в качестве превенции. Так, в ст. 757 Устава врачебного 1857 года предусматривалось, что «если в селении окажется натуральная оспа, то для скорейшего прекращения сей опасной эпидемической болезни должно немедленно привить ... всем детям, коим она еще привита не была» [5, с. 268]. Напрашивается аналогия с современным прививанием, направленным на борьбу с COVID-19. Вакцина от этого заболевания была изобретена и начала использоваться именно

в период эпидемии, как и вакцина от оспы, которая распространилась также в эпидемический период в России при Екатерине II, которая первой приняла решение вакцинироваться от столь опасного заболевания, подав тем самым положительный пример своим подданным. А.Я. Антонович приводил факты развернувшейся в конце XIX века дискуссии сторонников и противников вакцинации, несмотря на очевидные положительные результаты борьбы с оспой. Он писал, что «... в последнее время появились противники оспопрививания, доказывающие или полную бесполезность его или даже вред, но большинство современных государств смотрит на прививку оспы, как на меру предупреждения и пресечения страшного зла, которое до оспопрививания в Европе производило страшные опустошения. В Западной Европе от оспы ежегодно умирало до 400 000 человек» [7, с. 209].

Игнорирование очевидных фактов противниками вакцинации характерно не только для современников автора, но и для нынешнего времени. Особую актуальность противоречивые мнения о прививании приобрели в настоящий период, причем не только в отношении COVID-19, но и многочисленных заболеваний, которым подвержено население с первых дней жизни.

Впоследствии в российском законодательстве нашли отражение комплексные меры борьбы с эпидемиями. Так, согласно ст. 761 Устава врачебного 1857 года на «Медицинский Совет Министерства Внутренних Дел» [5, с. 268] возлагались обязанности по контролю и надзору за оспопрививанием, ведению статистики привитых от оспы подданных по каждой губернии. Ответственность за своевременное оспопрививание возлагалась на органы государственной власти в лице местной полиции, а с 1864 года – и на местное самоуправление – земские собрания. Согласно ст. 765 Устава врачебного 1857 года «во всех уездных городах состоят Уездные Оспенные Комитеты» [5, с. 269].

В доктринальном плане ученые-полицейисты неоднократно подчеркивали важность формирования и функционирования системы органов власти и управления, направленных на борьбу с эпидемическими угрозами. При этом важная роль отводилась органичному сочетанию и взаимодействию государственных органов и местного самоуправления. Так, российский полицейист А.Я. Антонович писал о создании «губернских и уездных оспенных комитетов» [7, с. 210]. На окраинах Российской империи обязанности осуществления вакцинации возлагались «на губернские (областные) правления» [7, с. 210]. Таким образом, вопросы эффективной борьбы с эпидемией оспы были возведены в ранг госу-

дарственной политики и носили повсеместный характер, преодолев элитарность, сословность и иные ограничения, свойственные эпохе. О необходимости дифференциации функциональной направленности государственных органов по противодействию и борьбе с эпидемиями писал ученый-полицист В.М. Гессен, утверждавший, что «задача санитарной полиции – предупреждение возможности заболеваний, т.е. создание условий народной жизни, способствующих народному здравью. Задача медицинской полиции – борьба с существующей уже болезнью» [8, с. 117].

Наряду с вакцинацией государство регламентировало и другие эффективные меры борьбы с эпидемическими угрозами. Среди них важное место занимало введение карантина, предусмотренное разделом 4 Устава врачебного 1857 года, согласно которому карантин представляет собой комплекс мер организационного, правового, медицинского, материально-технического характера, вводимых по инициативе государственных органов и медицинских учреждений в местностях, где были отмечены разовые случаи заболевания, имеющего признаки заразных болезней, приводящих к массовой гибели населения. Об этом, в частности, писал известный полицист своего времени Н.Н. Белявский: «И у нас на Руси в до-Петровский период московским правительством в борьбе с эпидемиями были выработаны рациональные мероприятия, выражавшиеся: 1) в изолировании зараженных лиц, помещений и целых районов; 2) в быстром погребении умерших вдали от обитаемых мест и питьевых вод, и 3) в дезинфекции посредством окуливания, вымораживания и прогрева всего того, что имело соприкосновение с заразой» [6, с. 180]. С этой позицией был полностью солидарен В.М. Гессен [8, с. 125–126].

Отсюда следует, что массовые мероприятия по борьбе с эпидемиями разрабатывались и проводились еще до XVIII века в России, то есть до создания полицейского государства с его этактистским подходом к решению многих задач, стоявших перед государством и обществом. Поэтому неслучайно выработка системы мероприятий разнопланового характера, нацеленных на эффективную борьбу с заболеваниями массового характера, относится к более позднему периоду и достигает своего расцвета во второй половине XIX – начале XX века, когда государственные мероприятия сочетались с деятельностью органов местного самоуправления и в той или иной степени успешной разъяснительной работой среди населения о необходимости соблюдения всех ограничений и иных средств борьбы с эпидемической угрозой.

Карантинные меры как комплексное явление включали в себя создание государственных органов особого назначения, такова, например, Высочайше учрежденная Особая Комиссия, на которую возлагались согласно прим. 2 к ст. 854 Устава врачебного 1857 года обязанности по «предупреждению занесения чумной заразы в пределы Империи и для прекращения могущих начаться эпидемий, а также установление порядка приведения ... мер в исполнение и наблюдение за таковым исполнением» [5, с. 276]. Организациями особого назначения являлись морские карантинные учреждения, предусмотренные ст. 857 Устава врачебного 1857 года, которые в соответствии со ст. 855 этого Устава были призваны оградить государство от распространения «чумы, желтой горячки, азиатской холеры...» [5, с. 277].

Карантинные учреждения также создавались повсеместно в Российской империи для борьбы с эпидемиями и подчинялись Министерству внутренних дел (ст. 864 Устава врачебного 1857 года). Непосредственный надзор за этими органами возлагался на глав губернской уездной администрации и полиции – губернатора и градоначальника (ст. 865 Устава врачебного 1857 года). В соответствии со ст. 869 Устава врачебного 1857 года на местах учреждались должности «Управляющего карантинном и Карантинные Агенты, ... Старшие и Младшие Врачи, Капитаны над портом и их Помощники, Директоры карантинных домов, Комиссары, Переводчики, Делопроизводители и их Помощники, фельдшеры, повивальные бабки и карантинная стража» [5, с. 278]. Отсюда следует, что организация карантинной службы в Российской империи носила системный характер и охватывала при необходимости всю территорию государства, его порты, речные и морские артерии.

Также карантинные меры предусматривали правовую регламентацию, в том числе и международного характера. Для унификации мер по борьбе с холерой правительство Российской империи ратифицировало 25 мая 1893 года Международную санитарную конвенцию, заключенную в Дрездене 3/15 апреля 1893 года [9]. 15 декабря 1895 года было заключено соглашение между Россией и Австро-Венгрией, вступившее в силу 3/15 апреля 1896 года, направленное на борьбу с распространением холеры [10]. 18 февраля 1898 года была ратифицирована Международная санитарная конвенция против распространения чумы, принятая в Венеции 7/19 марта 1897 года [11]. 15 марта 1904 года была ратифицирована Международная санитарная конвенция, заключенная в Париже 20 ноября (3 декабря) 1903 года, нацеленная на борьбу с чумой и холерой [12].

Тот факт, что Российская империя являлась участницей целого ряда международных правовых соглашений, нацеленных на борьбу с эпидемиями, указывает на включенность России в мировой процесс противодействия эпидемической опасности. Вместе с тем Россия принимала и значительное количество собственных нормативных правовых актов, направленных на преодоление эпидемий внутри страны, о чем свидетельствует, в частности, принятый 7 июля 1800 года Устав пограничных и портовых Карантинов [13]. Данный акт был Высочайше утвержден Павлом I по Всеподданейшему докладу от Действительных Тайных Советников: Государственного Казначея Барона Васильева, Президента Коммерц-Коллегии Князя Гагарина, Вице-Канцлера Графа Панина и Генерала от Инфантерии и Генерал-Прокурора Оболянинова. Как справедливо отметила исследователь Е.О. Воронина, «он впитал в себя не только известные новые медицинские знания, объективный государственный подход, но и накопленный отечественный и зарубежный опыт...» [14, с. 217].

25 мая 1816 года Александром I было принято Постановление об охране Российских берегов и портов на Балтийском и Белом морях от внесения в оные заразительных болезней [15].

Представитель немецкой полиеистики Р. фон Мольте подчеркивал особое значение пограничного контроля и надзора за перемещением лиц в целях ограничения распространения эпидемий, поскольку исключительно медицинские средства оказывались недостаточными. Привлечение сил и средств государственного принуждения, связанного, например, с наложением запрета на пересечение пределов государства и перемещение из одной местности в другую внутри страны, по мнению известного полицеиста, порождало более эффективные социальные последствия, нежели медицинские средства, которые носили ограниченный характер. Поэтому именно совокупность государственного принуждения, медицинского воздействия, санитарно-эпидемиологических мероприятий была призвана достичь наилучшего результата в борьбе с эпидемиями.

Помимо Устава пограничных и портовых Карантинов 1800 года к кодифицированным актам, регулирующим средства и способы борьбы с эпидемиями, следует отнести Устав врачебный 1857 года, в котором книга вторая «Устав Медицинской Полиции» содержала раздел IV «Об учреждениях и мерах для предупреждения и прекращения эпидемических болезней и о карантинной страже», предусматривавший комплекс мер по организации и регули-

рованию деятельности общества и государства по борьбе с эпидемиями.

К медицинским средствам воздействия на эпидемическую обстановку того времени относились оспопрививание, изоляция заразившихся, соблюдение санитарно-гигиенических норм, организация надлежащего медицинского ухода за заболевшими. Для примера можно привести статистические данные, согласно которым с 15 июня 1803 года по 1 августа 1804 года на Кавказе чумой «заболело 1796 человек» [16, с. 228]. Для борьбы с эпидемией были введены ограничительные меры, препятствующие свободному проезду в города Тифлис, Душет и Моздок, в которых проводились карантинные мероприятия. Данные меры оказались неэффективными, поскольку не соблюдались населением.

Эпидемии холеры также представляли колоссальную угрозу для жизни сотен и тысяч российских подданных. Так, исследователи К.Г. Васильев и А.Е. Сегал указывали, что «в течение XIX века холера вторгалась в Россию 8 раз (1823, 1829, 1830, 1837, 1847, 1852, 1865 и 1892)» [16, с. 249]. Государство принимало апробированные меры по ограничению и запрету передвижения, окуливание писем и другие. Ярким историческим примером является «Болдинская осень», занявшая особое место в творчестве гениального русского поэта А.С. Пушкина. События, связанные с эпидемией холеры 1830 года, привели к невозможности выехать из определенных местностей. Вынужденная изоляция способствовала созданию уникальной благоприятной обстановки для творчества А.С. Пушкина, создавшего в этот период такие шедевры русской литературы, как «Бесы», «Элегия», «Моя родословная», «Сказка о попе и работнике его Балде», «История села Горюхина», «Домик в Коломне», «Повести Белкина», «Маленькие трагедии» и др.

Таким образом, борьба с эпидемиями воспринималась как российской государственной властью, так и учеными-полиеистами в русле единой, целостной, комплексной политики, включавшей в себя и доктринальное осмысление этой сложной проблемы, и систему организационно-правовых механизмов воздействия на общество силами и средствами не только государства, но и органов самоуправления при содействии со стороны населения. Отсюда следует, что основные теоретические и государственно-регламентационные подходы к борьбе с эпидемиями носят исторически непреходящий характер и представляют собой богатое наследие, бесценный опыт, изучение и освоение которых представляется важной современной задачей на уровне как доктрины, так и государственной политики.

Список литературы

1. Мартынов А.В. Контроль и надзор в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11 (99). С. 50–59.
2. Биюшкина Н.И. Политико-правовая модель организации и функционирования медико-полицейской службы в трудах немецкого полицейиста Роберта фон Моля // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 50–56.
3. Моль Р. Наука полиции по началам юридического государства / Пер. с 3-го изд. Р. Сементковским. Вып. 1. СПб.: печ. В.И. Головина, 1871. 333 с.
4. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. М.: Высочайше утвержд. Т-ство «Печатня С.П. Яковлева», 1897. 716 с.
5. Устав врачебный. Свод Законов Российской Империи в 16 томах, в 5 книгах / Под ред. и с прим. И.Д. Мордухай-Болтовского, сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. Кн. 5. Т. XIII. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1913. С. 176–353.
6. Белявский Н.Н. Полицейское право (Административное право). Конспект лекций (вместо литографированных записок). 3-е изд., доп. Пг.: Тип. Т-ва «Екатерингофское Печатное Дело», 1915. 407 с.
7. Антонович А.Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). Часть первая. Киев: Типография В.И. Завадзского, 1890. 416 с.
8. Гессен В.М. Административное право. СПб.: Паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903. 245 с.
9. Высочайше ратифицированная 25 мая 1893 года Международная Санитарная Конвенция, заключенная в Дрездене 3/15 апреля 1893 года // Полное собрание законов Российской Империи: Собрание третье: В 33 т. Т. XIII. 1893. СПб.: Государственная типография, 1897. Ст. 9670.
10. Высочайше утвержденное 15 декабря 1895 года Соглашение о предупредительных мерах, применяемых во время эпидемий к приграничному обороту между Россией и Австро-Венгрией, вступившее в силу 3/15 апреля 1896 года // Полное собрание законов Российской Империи: Собрание третье: В 33 т. Т. XV. 1895. СПб.: Государственная типография, 1899. Ст. 12288.
11. Высочайше ратифицированная 18 февраля 1898 года Международная Санитарная Конвенция о предупреждении занесения и распространения чумы, принятая в Венеции 7/19 марта 1897 года // Полное собрание законов Российской Империи: Собрание третье: В 33 т. Т. XVIII. Отделение 1. 1898. СПб.: Государственная типография, 1901. Ст. 15054а.
12. Высочайше ратифицированная 15 марта 1904 года Парижская Международная Санитарная Конвенция, заключенная в Париже 20 ноября (3 декабря) 1903 года // Полное собрание законов Российской Империи: Собрание третье: В 33 т. Т. XXV (дополнение к XXIV тому). Отделение 1. 1905. СПб.: Государственная типография, 1908. Ст. 24201а.
13. Устав пограничных и портовых Карантинов от 7 июля 1800 года // Полное собрание законов Российской Империи: Собрание первое: В 45 т. Т. XXVI. 1800. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Ст. 19.476.
14. Воронина Е.О. Создание и развитие государственной карантинной службы в Российской империи в начале XIX века // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2012. Т. 25 (64). № 1. С. 216–224.
15. Постановление об охране Российской берегов и портов на Балтийском и Белом морях от занесения в оные заразительных болезней от 25 мая 1816 года // Полное собрание законов Российской Империи: Собрание первое: В 45 т. Т. XXXIII. 1815–1816. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Ст. 26.285.
16. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (материалы и очерки) / Под ред. проф. А.И. Метелкина. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 400 с.

THE PROBLEM OF COMBATING EPIDEMIC THREATS IN THE WORKS OF CAMERA LEGALISTS

N.I. Biyushkina

The article is devoted to the study of issues of combating epidemic diseases in pre-revolutionary Russia. The work examines the positions of police scientists on the stated issues, state and legal measures aimed at countering epidemics. The source base for the study was the Medical Charter of 1857, the Charter of Border and Port Quarantines of 1800. The work reveals the specifics of interaction between government bodies, medical institutions and local governments to combat epidemics in Russia in the 18th – early 20th centuries. The article reflects the process of inclusion of the Russian Empire in international activities to combat epidemic diseases through the ratification of international conventions. A conclusion is drawn about the relevance of the main provisions and approaches to organizing methods and means of combating epidemics by the state, local governments, medical institutions and the population with their active interaction.

Keywords: epidemic, organizational and legal means, police scientists, codified regulations, international conventions, local governments, police, medical institutions.

References

1. Martynov A.V. Control and supervision in the field of ensuring national security of the Russian Federation // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2022. № 11 (99). P. 50–59.
2. Biyushkina N.I. The political and legal model of the organization and functioning of the medical police service in the works of a German police officer Robert von Moly // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2023. № 4. P. 50–56.
3. Mol R. The science of the police at the beginning of the legal state / Trans. from the 3rd ed. R. Sementkov. Issue 1. St. Petersburg.: pech. V.I. Golovin, 1871. 333 p.
4. Tarasov I.T. An essay on the science of police law. M.: Highly approved. The printing Press of S.P. Yakovlev, 1897. 716 p.
5. Medical regulations. The Code of Laws of the Russian Empire in 16 volumes, in 5 books / Ed. and with the note of I.D. Mordukhai-Boltovsky, comp. N.P. Balkanov, S.S. Voit, V.E. Herzenberg. Book 5. Vol. XIII. St. Petersburg: Russian Book Association «Doer», 1913. P. 176–353.
6. Belyavsky N.N. Police law (Administrative law). Lecture notes (instead of graphed notes). 3rd ed., additional pages: Printing house of the partnership «Ekaterinhof Printing Business», 1915. 407 p.
7. Antonovich A.Ya. Course of state improvement (police law). Part one. Kiev: Printing house of V.I. Zavadzskago, 1890. 416 p. 8. Gessen V.M. Administrative law. St. Petersburg: Steam printing house of G. Pozharov, 1903. 245 p.
9. The International Sanitary Convention, most highly ratified on May 25, 1893, concluded in Dresden on April 3/15, 1893 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: The third Collection: In 33. Vol. XIII. 1893. St. Petersburg: State Printing House, 1897. Art. 9670.
10. The Agreement on preventive measures applied during Epidemics to the border area between Russia and Austria-Hungary, most highly approved on December 15, 1895, which entered into force on April 3/15, 1896 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: The third Collection: In 33 vol. XV. 1895. St. Petersburg.: State Printing House, 1899. Art. 12288.
11. The International Sanitary Convention on the Prevention of the Introduction and Spread of Plague, most highly ratified on February 18, 1898, adopted in Venice on March 7/19, 1897 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: The Third Collection: In 33 vols. XVIII. Department 1. 1898. St. Petersburg: State Printing House, 1901. Art. 15054a.
12. The Paris International Sanitary Convention, most highly ratified on March 15, 1904, concluded in Paris on November 20 (December 3), 1903 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: The third Collection: In 33 vols. XV (supplement to Volume XXIV). Department 1. 1905. St. Petersburg: State Printing House, 1908. Art. 24201a.
13. The Charter of border and port Quarantines of July 7, 1800 // The Complete Collection of laws of the Russian Empire: The first collection: In 45 vol. T. XXVI. 1800. St. Petersburg: Type II of the Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Art. 19.476.
14. Voronina E.O. Creation and development of the state quarantine service in the Russian Empire at the beginning of the XIX century // Scientific notes of V.I. Vernadsky Tauride National University. Series: Legal Sciences. 2012. Vol. 25 (64). № 1. P. 216–224.
15. Resolution on the protection of Russian ports and ports on the Baltic and White Seas from introducing infectious diseases into them on May 25, 1816 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire: The first Collection: In 45 vol. XXXIII. 1815–1816. St. Petersburg: Type II Of the Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Art. 26.285.
16. Vasiliev K.G., Segal A.E. The history of epidemics in Russia (materials and essays) / Edited by Prof. A.I. Metelkina. M.: State Publishing House of Medical Literature, 1960. 400 p.